

Мельникова Н.Н.[©]

Аспирант, кафедра истории русской литературы XX века, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ИЗОБРАЖЕНИИ «ПАДШЕЙ ЖЕНЩИНЫ» В ПРОЗЕ В.М. ГАРШИНА И А.П. ЧЕХОВА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Важным этапом в раскрытии темы спасения падшей женщины является конец 1870-х – 80-е гг. XIX века. Бурная полемика 60-х вокруг женского вопроса в следующее десятилетие затихла. «Реакция 80-х гг. оказала огромное воздействие на общественные настроения. Началось быстрое перерождение народничества, пессимизм и разочарование стали чуть ли не господствующим мироощущением людей этой поры» [6, 27]. Изменялась и литература, прежде всего в соотношении жанров. «Роман, игравший еще во второй половине 70-х гг. ведущую роль, уступает место очерку, рассказу и повести» [6, 30]. Наряду с развитием малых жанров в литературе, в жизни своеобразным идеалом становится «теория малых дел». Главным героем в беллетристике выступает «средний человек», активно содействующий процветанию «своего края», но не помышляющий ни о какой борьбе» [6, 38]. Сюжет о спасении падшей женщины трансформируется в двух направлениях: с одной стороны, появляются произведения А.П. Чехова и И.И. Ясинского (в них авторы продолжают развивать идеи Достоевского и Крестовского и вместе с тем полемизировать с ними), с другой стороны, в конце 70-х – 80-е гг. в литературу приходит В.М. Гаршин, который воспринимает традиций Некрасова, Добролюбова и Чернышевского, но рассматривает возможность возрождения проститутки не как акт доброй воли мужчины, а как чудо настоящей любви. Таким образом, культурный код в изображении «падшей женщины», сформировавшийся в первой половине XIX столетия находит отражение в литературе более позднего периода.

В.М. Гаршин обращался к проблеме проституции в начале и в конце своей литературной деятельности. Как пишет А.Н. Латынина, «старший брат писателя, Виктор, застрелился в декабре 1873 года, когда Гаршину было 18 лет. Событие это произвело на Гаршина огромное впечатление, хотя он и узнал о нем с запозданием. Особенно близок с братом Гаршин не был, тем не менее рассказы матери о его ни с чем не сообразной, по ее представлению, любовной драме юношу страшно волновали» [4, 81]. Дело в том, что брат был влюблен в проститутку, и сам Гаршин сначала не понимал странного увлечения Виктора, но после его самоубийства в писателе проснулось желание понять, почему из-за падшей женщины можно застрелиться.

Гаршин боялся не оправдать доверие Салтыкова-Щедрина и получить отказ в публикации, но рассказ о блуднице был принят и помещен в мартовском номере «Отечественных записок» за 1878 год. Однако читатели встретили его довольно прохладно. И все же, как утверждает А.Н. Латынина, «социальная острота замысла Гаршина – несомненна, но в понимании творческой эволюции писателя рассказ «Происшествие» много значит. Видно, как сильно тревожили Гаршина тяжелые общественные язвы, какие формы зла казались ему наиболее уродливыми» [4, 84]. Художественные просчеты «Происшествия» не охладили писателя, и он еще раз решил обратиться к похожему сюжету. Спустя семь лет он пишет повесть «Надежда Николаевна» (впервые опубликована в «Русской мысли» (1885. Кн. 11. С. 343–368; кн. 3. С. 224–261)). По сути, это – продолжение «Происшествия». Главная героиня, чьим именем названа на этот раз повесть, не прекращает заниматься своим ремеслом, но, несмотря на это, как и в предыдущем рассказе, она становится предметом обожания и восхищения двух молодых людей и невольной причиной смерти одного из них.

19 марта 1888 года В.М. Гаршин покончил жизнь самоубийством, бросившись в пролет лестничной площадки. После его смерти в том же году А.П. Чехов для сборника памяти В.М. Гаршина напишет рассказ «Припадок». Чтобы почтить память писателя, а также с целью

[□] Мельникова Н.Н., 2010 г.

создания фонда для сооружения памятника за создания сборника взялись сотрудники газеты «Новости» во главе с К.С. Баранцевичем и редакция журнала «Северный вестник» в лице А.Н. Плещеева. Оба редактора попросили у Чехова дать хотя бы маленький рассказ для сборника. Сам писатель был не против, но долго не мог ничего придумать. В итоге сборник Баранцевича вышел без участия Чехова, Плещеев же обращался к Чехову с просьбой несколько раз и обещал, что цензура не вычеркнет ни одного слова из рассказа. Работа над «Припадком» длилась целый месяц, но результат превзошел все ожидания. Нетрудно предположить, кто стал прототипом главного героя. Позже, в 1938 году И. Эйгес в статье «К истории создания рассказа Чехова «Припадок» докажет несомненное сходство чеховского Васильева и Гаршина [11].

В своем рассказе Чехов пронзительно описал «душевную боль», а кто, как не Гаршин, знал, что это такое! Современники вспоминали, что однажды он вступился за девушку, которую на его глазах пытались арестовать по подозрению в проституции. Гаршин поехал вместе с ней в участок, чтобы похлопотать за нее, даже не зная наверняка, что она невиновна. «В проституции для Гаршина, несомненно, воплощалось страшнейшее социальное зло. И в то же время, как ясно из свидетельств родных и друзей, жизненными впечатлениями для реалистического решения подобной темы Гаршин не запасся. Душевная чистота, стыдливость, ранимость мешали ему близко узнать тех женщин, которым он на расстоянии так сострадал» [4, 190–191], – так описывает душевное состояние Гаршина А.Н. Латынина. Д.П. Святополк-Мирский писал, что Гаршин вообще «был человеком с необычайно развитым нравственным чувством, и так как он воспитывался в годы, последовавшие за освобождением крестьян, естественно, приобрел образ мыслей “кающегося дворянина”» [5, 525].

В рассказе В.М. Гаршина «Происшествие» два главных героя – Надежда Николаевна (ее «уличное» имя – Евгения) и Иван Иванович Никитин. В основе сюжета их взаимоотношения. В повести «Надежда Николаевна» система персонажей более сложна, она представляет собой своеобразный «любовный четырехугольник»: Надежда Николаевна, Лопатин, испытывающий к главной героине любовь и сострадание, Бессонов, в чьей душе борются сразу три чувства: любовь, презрение и зависть, и Гельфрейх, влюбленный, но слабый и малодушный человек. Надежда Николаевна, несомненно, – главная героиня. Остальные персонажи введены преимущественно для раскрытия ее характера.

В рассказе «Припадок» более разветвленная система персонажей. Прежде всего, важно то, что Чехов выбрал своих героев из среды студентов. На наш взгляд, причин несколько: во-первых, студенты – это молодые люди, которые вполне могут столкнуться с проблемой проституции в силу возраста, их легче представить в описанной ситуации, во-вторых, студенчество – это сообщество, где постоянно присутствуют размышления о жизни. Молодые люди восприимчивы, у них горячие головы и сердца. Неудивительно, что главный герой принял все так близко к сердцу.

Показательно также, кого писатель выбрал среди студентов: студент-медик Майер, ученик Московского училища живописи и зодчества Рыбников и студент-юрист Васильев. Герои Чехова – это своеобразные «судьи» происходящего. Медик со свойственным ему докторским чутьем выпытывает у одной из проституток о ее прошлой жизни, чего никак не удастся сделать Васильеву. Художник как истинный ценитель прекрасного рвется отвести друзей в «самый лучший» публичный дом. А вот проблема, как спасти падших женщин, ложится на плечи юриста. Медик, художник, юрист – они соответственно исследуют тело, душу и права падшей женщины.

Отдельный собирательный персонаж – обитательницы домов терпимости (в отличие от индивидуализации Гаршина!). Это предмет исследования для Чехова.

В рассказе «Происшествие» позиция автора остается в тени. Складывается впечатление, что Гаршин так до конца и не смог определиться, чье мнение ему важнее: Надежды Николаевны, Ивана Ивановича или же всеведущего автора. Первая часть представляет собой размышления Надежды Николаевны о своем прошлом, настоящем и

будущем. «Как случилось, что я, почти два года ни о чем не думавшая, начала думать, – не могу понять. Не мог же, в самом деле, натолкнуть меня на эти думы тот господин. Потому что эти господа так часто встречаются, что я уже привыкла к их проповедям»[1, 16]. Далее мы узнаем, что господина зовут Иваном Ивановичем и что познакомились они в Летнем саду. Вторая часть – мысли Ивана Ивановича, который признается, что любит проститутку. Выясняется, что все – от Евсея Евсеича, знакомого главного героя, до лакея – осуждают его чувства. В третьей и четвертой части рассказ ведется от лица Надежды Николаевны, но автор часто «перебивает» ее, чтобы уточнить, какие именно поступки совершают в этот момент герои. Все вышесказанное убеждает, что более всего важен автору внутренний мир героини.

В повести «Надежда Николаевна» повествование усложнено в еще большей степени. Изначально оно ведется от лица Лопатина: всю историю мы узнаем из его записок, посвященных событиям трехмесячной давности. По ходу записки прерываются дневником Бессонова, что является очень условным приемом, так как они явно не принадлежат Лопатину, и неизвестно, как они попали в руки автора.

Это свидетельствует об определенных художественных просчетах писателя. Дневник не вписывается в повествование, тем самым разрушая целостность произведения. Однако не будем забывать о том, что для Гаршина было очень важным передать внутренний мир своего героя. Авторы сборника о гаршинской поэтике, рассуждая о структуре художественного мира писателя, приходят к выводу, что для его произведений характерно наличие определенных импрессионистических элементов. Затрагивая острые социальные проблемы, Гаршин не ищет причин, вызвавших их, он пытается запечатлеть состояние героя, решающего эти проблемы. Возможно, поэтому для Гаршина дневник был наиболее подходящей формой [9].

В рассказе «Припадок» повествование полностью ведется от лица автора. Автор имплицитен. Он эксплицируется в тексте дважды. Первый раз, когда у героя начинается припадок. «Если взглянуть вверх на эти потемки, то весь черный фон был усыпан белыми движущимися точками <...>» – таково восприятие героя. Далее следует: «это шел снег» – а это пояснения автора. Второй раз при рассуждении о *человеческом* таланте (Гаршина). «Прав ли приятель – не знаю <...>». «Не знаю» в данном случае – голос Чехова.

Эйгес доказывает в своей статье, что Гаршин – несомненный прототип Васильева. Писатель пытается понять внутренний мир своей героини, будучи ею самой, Никитиным, Лопатиным, Бессоновым одновременно. Это своеобразный поиск истины, правды о падшей женщине. Чехов же пишет не столько о публичных домах, сколько а Гаршине, о его *человеческом* таланте. Здесь явная ирония. Грустная, добрая, но все же ирония. Жестокая правда звучит в словах Майера: «Мы, люди, убиваем взаимно друг друга, <...>. Это, конечно, безнравственно, но философией тут не поможешь» [10, 229].

У Гаршина действие происходит в Петербурге, у Чехова – в Москве. Писатели выбрали столичные города, так как, разумеется, для них более характерно наличие публичных домов. Внутри города место действия и у Гаршина, и у Чехова можно разделить на два локуса: «улица» и «помещение».

Важное в смысловом отношении место гаршинских произведений – улица. К Неве приходит Надежда Николаевна, чтобы посмотреть на лед. Это один из сильнейших моментов рассказа. Девушка думает, есть ли подо льдом свет, и не лучше ли покончить со своей беспросветной жизнью, бросившись в воду. Отметим, что в литературе схожий эпизод уже встречался. В романе В. Крестовского «Петербургские трущобы» Маша, решив утопиться, всматривается в черноту проруби, пытаясь «разгадать, что там делается, в глубине, под водою, расслушать какие-то подводные звуки и голоса, проникнуть острым взором в самую глубь, чтобы разглядеть, какая там есть эта подводная жизнь» [3, 163]. Другое важное место – мастерская художника Лопатина (помещение). Здесь Надежда Николаевна превращается в Шарлоту Корде, из проститутки – в натурщицу, музу и героиню Французской революции.

У Гаршина разделение достаточно четкое, Чехов же последовательно перемежает «улицу» и «помещение» в своем рассказе-путешествии. Как часть улицы фигурирует Яуза – своеобразная параллель к Неве Гаршина.

«Помещение» – это публичный дом. Друзья посещают несколько домов терпимости. Чехов стремится к усилению впечатления однообразной пошлости и грубости от заведения к заведению. «Все было обыкновенно, прозаично и неинтересно. Одно только слегка раздражало его любопытство – это страшная, словно нарочно придуманная безвкусица, какая видна была в карнизах, в нелепых картинах, в платьях, в аксельбанте. В этой безвкусице было что-то характерное, особенное» [10, 219]. Следует отметить, что «прозаичность» – одна из самых постоянных характеристик места действия в произведениях Чехова, если речь идет о проституции.

Действие в «Припадке» занимает примерно сутки. Развитие сюжета и кульминация приходятся на вечер, переходящий в ночь. Символика ясна: с одной стороны, вечер – самое подходящее время для посещения публичного дома, с другой, – контраст: черная ночь – белый снег; ночь, припадок, невозможность решить проблему проституции в одиночку – утро, выздоровление.

У Гаршина время действия – несколько дней, а то и недель. «Надежда Николаевна» – это повесть, то есть более сложное по структуре произведение, чем рассказ. В нем больше сюжетных линий. Время действия и время повествования не равны друг другу, и есть два событийных источника: воспоминания Лопатина и дневник Бессонова.

Мотив снега встречается не только у Чехова, но и у Достоевского в «Записках из подполья», и опять-таки в связи с историей о падшей женщине. Однако Достоевский не создает такого резкого контраста между белым «невинным» снегом и пороком.

Описание снега встречается в рассказе у Чехова трижды. «В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварах – все было мягко, бело, молодо, и от этого дома выглядели иначе, чем вчера, фонари горели ярче, воздух был прозрачней, экипажи стучали глуше, и в душу вместе со свежим, легким морозным воздухом просилось чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег» [10, 215]. Таков снег в начале «путешествия». Природа отражает внутреннее состояние главного героя. Сам Васильев так же чист и невинен, как этот белый снег. Далее Чехов еще более усиливает значимость мотива снега. «<...> Нравился ему снег, бледные фонарные огни, резкие черные следы, какие оставляли по первому снегу подошвы прохожих; нравился ему воздух и особенно этот прозрачный, нежный, *наивный*, точно девственный тон, какой в природе можно наблюдать только два раза в году: когда все покрыто снегом, и весной в ясные дни или в лунные вечера, когда на реке ломает лед» [10, 216]. Особо важно здесь слово «наивный». Не является ли это имплицитной характеристикой Васильева? И наконец, уже в ином облике возникает снег после посещения публичного дома. «Если взглянуть вверх на эти потемки, то весь черный фон был усыпан движущимися точками: это шел снег. Хлопья его, попав в свет, лениво кружились в воздухе, как пух, и еще ленивее падали на землю. Снежинки кружились толпой около Васильева и висли на его бороде, ресницах, бровях... Извозчики, лошади и прохожие были белы. “И как может снег падать в этот переулок! – думал Васильев. – Будь прокляты эти дома!”» [10, 226]. Заметим, что восприятие героем снега говорит о начинающемся у него припадке. Герой слишком взволнован и воспринимает все, как в замедленном действии. Описание принадлежит, скорее, автору. Васильев видит белые точки, автору приходится пояснять, что это снег. Существенен, как уже указывалось, вопиющий контраст черного и белого.

Образ падшей женщины «обрастает» многими характеристиками. Прежде всего, это изначальное отношение героя к проститутке. Васильев «знал, что есть такие безнравственные женщины, которые под давлением роковых обстоятельств – среды, дурного воспитания, нужды и т. п. вынуждены бывают продавать за деньги свою честь. Они не знают чистой любви, не имеют детей, не правоспособны; матери и сестры оплакивают их, как мертвых, наука третировает их, как зло, мужчины говорят им «ты» [10, 214]. Тем не менее, герой уверен, что падшие женщины раскаиваются и ищут путь к спасению. Герой явно наивен. Особенно это подчеркивает вставная история о женщине легкого поведения, которая отравилась, решив, что недостойна любви честного юноши. В прозе Гаршина мы находим

восхищение проституткой, она становится музой, источником вдохновения. Но при этом и женщиной, разбивающей сердца, из-за которой проливается кровь. Падшая женщина у Гаршина может быть пьяной, вульгарной, но в то же время способна размышлять над своей судьбой, способна любить. У нее еще есть надежда на другую, лучшую жизнь, она заключена уже в имени героини.

Известно, что в 1883 году Гаршин женился на слушательнице медицинских курсов Надежде Золотиловой. Уже в это время писатель был тяжело болен психически. Однако его будущая жена согласилась на брак и заботилась о нем до его кончины. Поэтому можно расценить совпадение имен как символическое. Гаршин стремился подчеркнуть в Надежде Николаевне ее внутреннюю чистоту, способность к возрождению. Кроме того, как отмечает С.Н. Кайдаш-Лакшина, «<...> величать проститутку по имени-отчеству – это уже было некоторым общественным и литературным вызовом» [2, 112]. Герой Гаршина даже пытается узнать фамилию проститутки [1, 268]. Впрочем, здесь Гаршин не был первым, вспомним Настасью Филипповну Ф.М. Достоевского, хотя все же Настасья Филипповна находится всего лишь на содержании. А это не то же самое, что быть проституткой. И князь Мышкин величает героиню исключительно по имени-отчеству, у Гаршина же Никитин обращается к проститутке «Надя», как если бы она была его женой. Это отличает христианскую любовь Мышкина от простой человеческой влюбленности Никитина. Даже приобретенное для улицы, имя героини – Евгения – «благородно».

Чеховская же проститутка – только тупа и пьяна. Нам кажется, Чехов не вносит в образ падшей женщины чего-то оригинального. Он иронизирует по поводу страстей, которые разыгрываются около Надежды Николаевны и Настасьи Филипповны. Даже избиение проститутки в одном из борделей Соболева переулка не производит ужасного впечатления, ведь девица пьяна и вызывает в герое лишь омерзение.

Различаются и описания внешности падших женщин у Чехова и Гаршина. Гаршин подчеркивает бледность Надежды Николаевны, ее вполне приличный туалет. Городовой понимает, кто она, только по лицу. Вот как описывает Лопатин первую встречу с Бессоновым и Надеждой Николаевной: «Низко нагнувшись, с блестящими глазами, он оживленно шептал что-то сидевшей за тем же столом женщине в черном шелковом платье, лица которой нам не было видно. Я заметил только ее стройную фигуру, тонкие руки и шею и черные волосы, гладко зачесанные с затылка вверх». Очень важна здесь цветовая гамма. «Блестящие» глаза Бессонова (лихорадочно горящие, как у давно не спавшего человека!) – это символ опасности. У Надежды Николаевны черные волосы, черные глаза, темные круги под глазами, на ней черное платье и черный шарфик. Белый воротничок и бледное лицо контрастируют с черным цветом. Она напоминает скорее монахиню, нежели проститутку, и символизирует, на наш взгляд, трагичный конец героини. Падшие женщины у Чехова одеты в безвкусные платья кричащих цветов, у них аксельбанты.

В художественном мире Гаршина женщина присутствует в двух своих ипостасях. Надежда Николаевна в «Происшествии» описывает заинтересовавший ее рисунок, помещенный в журнале «Стрекоза», который отражает эту двойственность: «<...> посередине маленькая хорошенькая девочка с куклой, а около нее два ряда фигур. Вверх от девочки идут: маленькая гимназистка или пансионерка, потом скромная молодая девушка, мать семейства и, наконец, старушка, почтенная такая, а в другую сторону, внизу – девочка с коробком из магазина, потом я, я и еще я. Первая я – вот как теперь; вторая – улицу метлой метет, а третья – та уж совсем отвратительная, гнусная старуха» [1, 17].

Однако повествование о падшей женщине у Гаршина начинается с момента осознания ею самой своего положения. В отличие от проституток 40–60-х гг., Надежда Николаевна интеллигентна: помнит Пушкина, Лермонтова, знает французский язык и умеет рисовать. Судя по всему, она родилась в благородной семье, получила приличное воспитание. Она вдоволь наслушалась «господ» и их «проповедей»: «Сперва спросит, как меня зовут, сколько мне лет, потом большей частью с довольно печальным видом, начнет говорить о том, «нельзя ли как-нибудь уйти от подобной жизни?». «Гаршин показывает, что «горячее слово

убеждения» как средство духовного возрождения падшей женщины теперь является обычным атрибутом почти каждого клиента, «кроме совершенно привыкших или очень умных», и уже никаких эмоциональных порывов в душе проститутки не может вызвать, разве только раздражение и презрение» [7, 55]. Философы уверяют ее, что она – «клапан для общественных страстей», а это вызывает в ней только ненависть. В уста своей героини Гаршин первый вложил слова о том, что проституция – это «должность», «пост». М.И. Покровская утверждает, что героиня Гаршина «пытается сама себя спасти и вырваться из омута, который ее засасывает» [8, 16–17].

Это не совсем верно. Надежда Николаевна, скорее, колеблется между желанием вернуться к нормальной жизни и страхом оказаться в положении Лизы Достоевского. Кроме того, она разочарована в «хорошем обществе»: «Разве есть они, хорошие люди, разве я их видела и после и до моей катастрофы? Должна ли я думать, что есть хорошие люди, когда из десятков, которых я знаю, нет ни одного, которого я не могла бы ненавидеть? И могу ли я верить, что они есть, когда тут и мужья от молодых жен, и дети (почти дети – четырнадцати-пятнадцати лет) из «хороших семейств», и старики, лыдые, параличные, отжившие?» [1, 18]. Как считает И.П. Олехова, «<...> Гаршин утверждает, что спасение падшей женщины возможно, но он подчеркивает, что не каждый мужчина способен взять на себя функцию спасителя» [7, 56]. Не может спасти Надежду Николаевну Бессонов, не может и Гейльфрех. На наш взгляд, новаторство Гаршина заключается в том, что даже Никитин и Лопатин не «спасают» главную героиню, они ее просто любят. Никто, кроме Гаршина, не осмелился написать о том, что проститутку можно полюбить. Без жалости, нравоучений, стремления возвыситься за ее счет. С.Н. Кайдаш-Лакшина справедливо отмечает, что «герой «Воскресения» Толстого князь Нехлюдов хочет жениться на Катюше Масловой, чтобы «героическим поступком» смягчить угрызения совести» [2, 114], то есть спастись самому. Князь Мышкин, как мы уже отмечали выше, хочет жениться на Настасье Филипповне, чтобы спасти ее. И только «художник Лопатин хочет жениться на Надежде Николаевне, потому что искренне полюбил ее, не считает ниже себя и не мыслит своего счастья без нее» [2, 114]. Возможно, именно поэтому «Происшествие» и «Надежда Николаевна» были сочтены за неудачные произведения. Слишком невероятной показалась критикам гаршинская идея, слишком сентиментальной. Но не является ли она истинно прекрасной?..

Литература

1. Гаршин В.М. Рассказы. М., 1980.
2. Кайдаш-Лакшина С.Н. Образ «падшей женщины» в творчестве В.М. Гаршина // Vsevolod Garshin at the turn of the century. Гаршин на рубеже веков. Международный сборник: В 3 т. Т. 1. Oxford, 2000. С. 110–119.
3. Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Части IV–VI. М., 1990.
4. Латынина А.Н. Всеволод Гаршин. Творчество и судьба. М., 1986.
5. Мирский Д.С. Гаршин // Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. London, 1992.
6. Муратов А.Б. Проза 1880-х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 4. Л., 1983. С. 27–73.
7. Олехова И.П. Тема возрождения падшей женщины в русской литературе XIX века // Русская литература XIX века в гендерном измерении: Опыт коллективного исследования. Тверь, 2004. С. 39–59.
8. Покровская М.И. О падших: русские писатели о падших. СПб., 1901.
9. Поэтика В.М. Гаршина. Челябинск, 1994.
10. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6. М., 1954.
11. Эйгес И. К истории создания рассказа А.П. Чехова «Припадок» // Литературная учеба. 1938. № 7. С. 31–61.